

ОНА УМЕРЛА В НАШЕМ МИРЕ,
ЧТОБЫ ПОЛЮБИТЬ В ДРУГОМ

ШЕЙПОТ
СКВОЗЬ ВЕКА:
НАДЕЖДА
В ГАРЕМЕ

ЛЮБОВЬ • ИНТРИГИ • ПРЕДАТЕЛЬСТВО • СУДЬБА

NINE-TAILED FOX

Nine-Tailed Fox

**Шёпот сквозь века:
Надежда в гареме**

«Автор»

2026

Fox N.

Шёпот сквозь века: Надежда в гареме / N. Fox — «Автор», 2026

Стамбул, наши дни. Айше Демир — свободолюбивая владелица ателье с изумрудными глазами. Когда отец объявляет о свадьбе с жестоким магнатом, она сбегает, но попадает в аварию. Очнувшись, Айше понимает: она в теле наложницы в гареме султана Мехмеда IV, в XVI веке. Прав нет, свободы нет, пути назад нет. Но в янтарных глазах сына султана-тирана, Умута, она видит надежду. Он мечтает свергнуть отца, а Айше становится его глазами в гареме — шпионкой, союзницей, единственной любовью. Однако гарем не прощает любви. Коварная Ясемин плетёт интриги, используя яд и предательство, чтобы уничтожить соперницу. Но Айше не боится смерти — она уже умирала однажды. Свержение тирана, свадьба, пятеро сыновей. Счастье, кажется, обретено. Но тень Ясемин тянется из ссылки, и старые враги не дремлют, угрожая новой империи Айше. Ей предстоит борьба за будущее, где любовь и власть сплетены в смертельный узел.

© Fox N., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	5
Пролог	6
Глава 1. Авария на перекрестке двух миров	7
Глава 2. Запах роз и страха	11
Глава 3. Уроки выживания	16
Глава 4. Зелёное платье	22
Глава 5. Клятва в беседке	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Nine-Tailed Fox

Шёпот сквозь века: Надежда в гареме

Часть первая

Пролог

Две смерти, одно рождение

Босфор в ту ночь был чёрен, как зрачок умирающего. Белый «Фиат» летел по набережной. Чёрный внедорожник преследовал его. Внутри такси, вжавшись в сиденье, сидела девушка с изумрудными глазами. Её звали Айше. Она сбегала от судьбы, которая была страшнее смерти. Она не знала, что смерть уже выбрала её. Удар. Хруст металла. Стекло, рассыпающееся алмазной пылью. Красный свет операционной. Голоса врачей: «Давление падает мы теряем её». Айше парила под потолком и смотрела на себя со стороны. Изумрудные глаза, закрытые навсегда. *«Неужели это всё?»*. Свет погас. Но тьма не была пустотой. Она была тёплой, похожей на материнское лоно, в которое возвращаешься, чтобы родиться заново. Айше падала сквозь века. Сквозь эпохи. Сквозь кости мёртвых и мечты живых. А потом открыла глаза. Каменный свод. Запах роз и страха. Тяжёлая решётка на окне, за которой светало незнакомое небо — чистое, бирюзовое, без следов самолётов.

— Она жива! — раздался звонкий голос. Айше подняла руку. Рука была чужой — тонкой, смуглой, без татуировки. Она не умерла. Она переродилась. В Стамбуле XVI века. В теле наложницы, которую продали в гарем. В мире, где её прошлая жизнь — ателье, свобода, право выбора — казалась сном. Она подошла к окну. Сквозь решётку увидела минареты, шпили, стражников в кольчугах. Город, где ей предстояло выжить. Она не знала тогда, что эта игра приведёт её к любви, которая сильнее времени. Что она встретит мужчину по имени Умут. Что станет законной женой, матерью пятерых сыновей и легендой. Она знала только одно. Она уже умирала однажды. И второй раз умирать не боялась.

Глава 1. Авария на перекрестке двух миров

Запах свежего льна и озона от только что распечатанных эскизов был для Айше Демир слаще любых духов. Она стояла посреди своего ателье «Изумрудная нить» в старом районе Бейоглу, и сквозь высокие окна с резными ставнями в помещение врвался шум вечернего Стамбула.

Ателье было её крепостью. Стены цвета слоновой кости были увешаны образцами тканей — от мерцающего кашемира до тяжёлого османского бархата с золотым тиснением. На манекенах висели свадебные платья, которые она шила на заказ для невест из высшего общества. Каждый стежок, каждая вышитая вручную жемчужина были частицей её души.

Айше провела длинными пальцами по прохладной поверхности стола из орехового дерева. Сегодня она работала над платьем для дочери посла Франции — нежно-голубое облако из шёлка, расшитое серебряными ландышами. Она водила кистью по ватману, вырисовывая новую линию выреза, когда в дверь резко, почти агрессивно постучали.

— Открывай! — голос отца, Ахмета Демира, прозвучал как выстрел.

Сердце Айше пропустило удар. Отец никогда не приходил в ателье. Он считал работу женщины вне дома позором, и разрешил открыть мастерскую только под давлением дяди Айше — либерального профессора из Анкары. Она отложила кисть и, вытерев руки о джинсы (она носила их тайком, под длинным кардиганом, чтобы соседки не видели «этого позора»), подошла к двери.

— Я не ждала тебя отец, — тихо сказала она, открывая дверь.

Ахмет Демир был мужчиной старой закалки. Его густые усы, идеально выбритая голова и костюм-тройка от армянского портного не могли скрыть жестокости, которая пряталась в складках его губ. За его спиной стояла мать Айше, Лейла, запахнутая в чёрный шелковый платок, и женщина, которую Айше не знала.

— Проходите, — голос девушки дрогнул.

Они вошли в ателье, и диссонанс был раздирающим: старики, пахнущие нафталином и суровой моралью, в храме современного искусства.

— Зачем ты пришёл? — спросила Айше, скрестив руки на груди.

— Ты плохо воспитана, — рявкнул отец. — Мы пришли с хорошей новостью, а ты встречаешь нас как врагов.

Мать молчала. Она всегда молчала. Только теребила край платка, и Айше увидела в её глазах тусклую, давно погасшую боль.

Женщина, которую Айше не знала, оказалась свахой. Её звали Фатма-ханым, и она была похожа на раскормленного паука в парчовом халате. Усевшись на бархатный пуфик для примерок, она начала:

— Айше-ханым, какая же вы красавица. Глаза как изумруды, волосы — чернее ночи в Каппадокии. Такую невесту сам падишах бы захотел взять. — Она захихикала, сверкнув золотым зубом. — У меня есть предложение от очень достойной семьи.

— Я не ищу предложений, — холодно ответила Айше.

— Ты закроешь рот и будешь слушать! — взревел отец. Стекло в одной из витрин задрожало. — Тебе двадцать четыре. Ты старая дева. Твой позорный бизнес не кормит семью так, как может кормить хорошее замужество.

Айше посмотрела на мать. Лейла отвела взгляд.

Фатма-ханым продолжила, почувствовав слабинку:

— Речь идёт о Мехмете Демирчи. Вы слышали о нем? Текстильная империя. Три торговых центра. Особняк на Босфоре. Он молодой (ей сделали знак: «почти молодой» — ему было сорок пять), и ему нужна жена с хорошими манерами и особым вкусом.

— Я знаю Мехмета Демирчи, — Айше почувствовала, как холод пополз по её позвоночнику. В прошлом месяце на показе мод она видела его в первом ряду. Он смотрел на моделей не как на людей, а как на куски мяса. Ей рассказывали, что его первая жена «случайно» упала с лестницы. И что его личный водитель пропал после того, как подал на него в суд за избиение.

— Так что, ты согласна? — спросил отец, даже не спрашивая, а утверждая.

— Нет. — Это слово вылетело прежде, чем Айше успела его обдумать.

Тишина. Стало слышно, как за окном кричат чайки, а на площади перед ателье продавец симитов зазывает покупателей.

— Повтори, — отец сделал шаг вперёд.

— Я сказала «нет». — Айше выпрямилась. Она была на голову ниже отца, но сейчас в ней горел огонь, который, казалось, освещал весь зал. — Я не выйду замуж за человека, которого не люблю. Я не выйду замуж по принуждению. Я лучше умру, чем проведу жизнь в клетке рядом с чудовищем.

Пощёчина оказалась такой сильной, что Айше упала на пол, разбив губу об угол журнального столика. Кровь капнула на белый эскиз платья для дочери посла, растекаясь алым пятном.

— Позор! — закричала мать, но было непонятно — то ли она кричала на дочь, то ли на мужа.

— Свадьба через две недели, — рявкнул отец. — Или ты выходишь замуж за Мехмета-бея, или я собственными руками вышвырну тебя из этого дома, и ты будешь ночевать на улице. Выбирай.

Они ушли. Фатма-ханым на прощание бросила сочувственный взгляд, похожий на взгляд стервятника.

Айше сидела на полу, прижимая окровавленную салфетку к губе. Она смотрела на свои работы: платья, которые она шила для других счастливых невест. Каждое из них было соткано из надежды. Ирония судьбы: она создавала счастье для чужих, но для неё самое ничтожное право выбора было роскошью.

Достав телефон, она написала подруге Элиф: *«Отец хочет выдать меня за Мехмета Демирчи. Я сбегую. Сегодня ночью. Встреть меня у вокзала Хайдарпаша в 2:00. Поезд на Измир.»*

Элиф ответила через минуту: *«Это безумие. Я с тобой. Приду.»*

Три часа Айше готовилась к побегу. Она не взяла много вещей — только рюкзак, который всегда стоял наготове на случай пожара (она была предусмотрительной). Внутри: паспорт, запасная банковская карта (отдельный счёт, о котором родители не знали), немного наличных, лекарства, сменное бельё и два самых любимых наброска.

Она оставила на столе в ателье письмо: *«Мама, отец. Простите. Но жить чужую жизнь — это не жить. Я не вернусь. Не ищите меня. Айше.»*

Полночь. Она выскользнула из квартиры, когда родители уснули. Коридор пах старыми коврами и цветами, которые ставила мать перед иконой (они были светскими мусульманами, но в каждую комнату мать ставила икону — странный синкретизм страха). Дверь подъезда Айше открыла бесшумно — она заранее смазала петли маслом.

Улица встретила её ветром с Босфора. Она вздохнула полной грудью. Свобода. Горькая, страшная, но свобода.

Она вызвала такси через приложение. Машина приехала быстро — скромный белый «Фиат». Водитель, пожилой уса́тый мужчина, помог положить рюкзак.

— На вокзал, госпожа? — спросил он.

— Да, пожалуйста. — Айше села на заднее сиденье.

Они поехали по набережной. Стамбул ночью был прекрасен: огни мостов, подсветка мечетей, серебряная дорожка луны на воде. Айше смотрела в окно и думала о том, что этот город знал тысячи побегов, тысячи судеб. Её история — лишь одна из многих.

Она почти расслабилась.

И тогда она заметила фары сзади.

Чёрный внедорожник — такой же, как у Мехмета Демирчи — шёл за ними слишком плотно. Водитель такси тоже заметил.

— Госпожа, этот автомобиль нас преследует, — сказал он, и в голосе его прозвучал страх.

— Просто езжайте быстрее, — попросила Айше.

Внедорожник прибавил скорость и поравнялся с ними. Стекло опустилось. Айше увидела профиль Мехмета. Он улыбался. Криво. Страшно. Он поднял руку, показывая жест: «Останавливайся».

— Не останавливайтесь! — крикнула Айше.

Водитель нажал на газ. «Фиат» рванул вперёд.

Мехмет, похоже, расвирипел. Внедорожник ударил их в бок. Раздался визг тормозов, скрежет металла. Айше вжалась в кресло. Мир завертелся. Она увидела, как фары встречной фуры ослепили её, как кабина грузовика надвигается неумолимо.

Последнее, что она помнила: хруст. Не свой. Чужой хруст металла и стекла. А потом — тишина и бесконечное падение в чёрный колодец.

Операционная. Лампы светят так ярко, что даже сквозь закрытые веки видно красное марево. Голоса врачей звучат как сквозь вату.

— Давление падает. Пульс — 40.

— Массивное внутреннее кровотечение. Разрыв селезёнки.

— Мы теряем её.

Айше чувствовала, что она не в теле. Она парит под потолком и смотрит на себя со стороны. Её лицо — бледное, спокойное — лежит на столе. На губах засохшая кровь. Изумрудные глаза закрыты.

«Неужели это конец?» — подумала она.

И вдруг свет операционной начал меркнуть. Не гаснуть, а трансформироваться. Белый хирургический свет стал тёплым, золотистым, словно рассвет в пустыне. Айше услышала странную мелодию — не пение птиц, нет, скорее звук удалённого нэя (флейты).

Она попыталась открыть глаза и поняла, что не может пошевелиться. Время текло иначе. Каждая секунда растянулась в вечность.

Последние слова, которые она услышала от хирурга:

— Время смерти: 02:48.

А потом — абсолютная тьма. Не та страшная тьма, в которой нет ничего, а та — материнская, тёплая — в которой можно спрятаться и ждать.

Айше ждала. Она не знала, чего именно, но её душа, её сознание, её *всё* летели сквозь века.

Когда она открыла глаза, первое, что она увидела, — не потолок операционной.

Это был каменный свод, покрытый побелкой, сквозь которую проступала древняя кладка. В воздухе пахло ладаном, розовой водой и ещё чем-то сладковато-пряным — возможно, рахат-лукумом.

Айше попыталась сесть, но её тело не слушалось. Она была слаба, как котёнок. Её руки бледные, тонкие, незнакомые. На запястье — след от укуса насекомого. На коже — не её татуировка с птицей, которую она сделала в двадцать лет.

— Она пришла в себя! — раздался звонкий, как колокольчик, голос.

Кто-то склонился над ней. Девушка примерно её нет, не её. Возраст Айше был двадцать четыре. Эта девушка выглядела на шестнадцать. Смуглая, с миндалевидными глазами цвета мёда, с двумя косами, переброшенными через плечи. На ней было длинное платье из грубой ткани, перехваченное кожаным ремнём.

— Кто ты? — прошептала Айше. Своим голосом. Но он он был выше, звонче.

— Айше, ты меня не узнаёшь? — удивилась девушка. — Это я, Элиф! Не бойся, мы во дворце Топкапы. Госпожа Айбиге-хатун теперь наша наставница. У тебя была горячка три дня, но хвала Аллаху, ты жива.

Айше — или та, кем она стала — медленно подняла руку и коснулась своего лица. Скулы были те же, тонкие. Глаза те же, изумрудные. Но в уголке глаза она заметила родинку, которой никогда не было.

Она не умерла.

Она *переродилась*.

Старая жизнь Айше Демир, дизайнера из XXI века, закончилась на холодном столе операционной в Стамбуле, который когда-то был Константинополем. Новая жизнь Айше — бесправной наложницы, чьё тело она теперь занимала — только начиналась.

Снаружи донёсся голос муэдзина, призывающий на молитву. Но мелодия была другой — древнее, чище. И когда Айше, опираясь на руку новой Элиф (которая была поразительно похожа на её подругу из прошлой жизни), подошла к решётчатому окну, она увидела город, каким его никто из её современников не знал.

Шпили мечетей. Кони. Гребцы на лодках. Стражники в кольчугах.

Шестнадцатый век.

Айше не заплакала от ужаса. Она сжала в кулаке край грубой рубахи, в которую была одета, и прошептала:— Я выжила. Я выжила во второй раз. Значит, у этого есть причина.

Глава 2. Запах роз и страха

Айше проснулась от того, что кто-то теребил её за плечо. Грубо. Настойчиво. Не так, как будят любимого человека, а так, как будят скотину на бойне.

— Вставай, соня. Госпожа Айбиге не терпит ленивых.

Голос принадлежал женщине лет сорока с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта пустыни. Её глаза были подведены сурьмой так густо, что казались двумя угольными дырами. Одетая она была в тёмно-синее платье из плотного хлопка — наряд, который выдавал в ней служанку высокого ранга, но не наложницу.

Айше села на жёстком тюфяке, набитом соломой. Всё тело болело. Виски сдавило тупой болью — следствие той самой «горячки», о которой говорила девушка по имени Элиф.

— Где я? — спросила Айше, хотя уже догадывалась. Каменные стены. Узкое окно под самым потолком с решёткой. Рядом — такие же тюфяки на деревянных нарах. Человек пятнадцать девушек в возрасте от двенадцати до двадцати пяти лет спали, свернувшись калачиком, или уже просыпались, потирая глаза.

— В гареме, — отрезала женщина. — Ты в гареме его величества султана Мехмеда Четвёртого, да продлит Аллах его дни. Я — Неджла-ханым, старшая служанка госпожи Айбиге. Запомни моё лицо и запомни моё имя. Если ты хочешь выжить здесь — делай, что я говорю, и не задавай лишних вопросов.

Айше хотела возразить. Хотела сказать: «Я не понимаю, как я здесь очутилась. Я была дизайнером. У меня было ателье. Меня сбила машина». Но язык не поворачивался. Что-то внутри — древний инстинкт самосохранения — подсказывало ей: молчи. Смотри. Слушай. Учись.

— Встань, — приказала Неджла.

Айше встала. Её ноги дрожали. Она посмотрела на себя — на ту, в чьём теле теперь жила. Тело было молодым. Очень молодым. Лет шестнадцати-семнадцати. Кожа — смуглая, но не такая, как у анатолийских крестьянок; скорее, как у черкешенки или грузинки — благородного оттенка топлёного молока с корицей. Руки — тонкие, с длинными пальцами, без единой мозоли. Не рабочие руки. Руки девушки, которую растили для гарема.

Айше подняла взгляд и увидела в углу комнаты медный таз с водой и маленькое мутное зеркало на стене.

Она подошла к зеркалу.

И замерла.

На неё смотрела красавица. Тонкие, изящные брови, как два крыла чайки. Глаза — изумрудные, яркие, с длинными ресницами, которые отбрасывали тень на скулы. Губы — полные, но не вульгарные, скорее, словно созданные для улыбки, которую она сейчас не могла выдать. Волосы — чёрные, как смоль, густые, длиной до пояса, спутанные после болезни, но всё равно прекрасные.

Это было её лицо. То же самое, что в прошлой жизни. Только моложе. На десять лет моложе.

— Смотрю, ты собой любишься, — хмыкнула Неджла. — Среди нас таких много. Красота здесь — не дар, а проклятие. Красивых замечают. Замеченных — используют. А использованных — выбрасывают. Запомни это.

Айше повернулась к ней.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она тихо, но твёрдо.

Неджла чуть прищурилась. В её взгляде мелькнуло что-то, похожее на уважение.

— Ты оправилась от горячки быстрее, чем остальные. Это хорошо. Госпожа Айбиге будет довольна. Она не любит, когда её подарки ломаются.

— Подарки?

— Ты — подарок. Тебя и ещё двадцать девушек прислал крымский хан султану в честь мира. Твоё имя — Айше. Ты дочь разорившегося бея из черкесских земель. Твоя семья продала тебя, чтобы заплатить долги. — Неджла говорила это буднично, как о погоде. — Забудь своё прошлое. Здесь у тебя нет ни отца, ни матери. Есть только госпожа Айбиге, а над ней — султан, а над султаном — Аллах.

Айше почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота. Продана. Её продали. В прошлой жизни она сбежала от принудительного брака. Здесь её уже продали, и даже бежать было некуда. Дворцовые стены высотой в двадцать метров. Стражи с ятаганами. Евнухи, которые смотрели на девушек как на овец, которых нужно охранять от волков (и от самих себя).

— А если я откажусь? — спросила она.

Неджла засмеялась. Коротко. Без радости.

— Откажешься от чего? От еды? От воды? От воздуха? — Она шагнула ближе. — Отказаться здесь можно только от жизни. И то — не самой. Будет приказ — тебя утопят в Босфоре в мешке с камнями. И никто не спросит почему.

Она замолчала, давая словам осесть в сознании Айше.

— Сейчас ты пойдёшь со мной. Госпожа Айбиге выбрала тебя для личной прислуги. Это большая честь. Не опозорься.

— Личной прислуги? — Айше растерялась. — Но я ничего не умею. Я не знаю дворцовых обычаев. Я ...

— Научишься. — Неджла протянула ей свёрток из грубой ткани. — Одевайся. И потопись. Тех, кто опаздывает, наказывают.

Айше развернула свёрток. Внутри оказалось платье из тонкой шерсти цвета спелой вишни, расшитое по подолу серебряной нитью — небогато, но со вкусом. Шаровары из того же материала. Тонкий кожаный пояс. И маленькие балетки без задников — то, что здесь называли «бабуш» (лёгкие туфли для ходьбы по дворцовым коридорам).

Она оделась быстро. Пальцы дрожали, когда она завязывала шнуровку на боку. Рядом проснулась Элиф — та самая девушка, которая была с ней, когда Айше пришла в себя. Элиф смотрела на неё с тревогой.

— Ты справишься, — прошептала Элиф. — Айбиге не злая. Просто строгая. Она была любимой наложницей султана десять лет назад, но родила дочь, а не сына. С тех пор она не у дел. Но она умна. Очень умна. Слушай её — и ты выживешь.

Айше кивнула. Слова Элиф были для неё как тонкий луч света в тёмной пещере. Она взяла себя в руки, вспомнила всё, что знала из книг и сериалов про Османскую империю. Но книги — это книги. Реальность оказалась грубее, грязнее, страшнее.

— Готова? — спросила Неджла.

— Да, — ответила Айше.

Коридоры гарема оказались лабиринтом. Они шли — Неджла впереди, Айше за ней — через анфилады комнат: спальни наложниц (маленькие, с низкими потолками), комнаты для омовений (с мраморными полами и текущей водой, которую подавали по керамическим трубам — инженерная мысль древних поражала), небольшие кухни, молельные комнаты с нишами, указывающими на Мекку.

Пахло здесь сложно. Пахло розами (сотни лепестков, разложенных по медным блюдам для аромата). Пахло пряностями — корицей, гвоздикой, шафраном. Пахло потом. Пахло страхом — едким, кисловатым запахом, который невозможно описать словами, но который чувствуешь кожей.

Их пропускали через двери, которые охраняли евнухи. Айше впервые видела евнухов живую. Высокие, грузные мужчины с гладко выбритыми лицами и странными, детскими голо-

сами. На них были длинные кафтаны из верблюжьей шерсти, на поясе — кинжалы с рукоятями из слоновой кости. Они смотрели на Айше как на движимое имущество. И не стеснясь.

— Вот мы и пришли, — сказала Неджла, останавливаясь перед дверью из чёрного дерева, инкрустированной перламутром.

Дверь открылась без стука. Айше вошла.

Покои госпожи Айбиге были просторными — по крайней мере, по сравнению с комнатой, где спали наложницы. Большой диван, заваленный шёлковыми подушками с золотыми кистями. Низкий столик из красного дерева, на нём — медный поднос с фруктами (инжир, виноград, гранат). Узкие окна с видом на внутренний двор, где журчал фонтан. И в центре комнаты, на низком табурете, обитом парчой, сидела сама госпожа Айбиге.

Она оказалась не старой. Лет тридцати пяти, не больше. Высокая, стройная, с волосами цвета меди, собранными в сложную причёску, увенчанную маленькой жемчужной диадемой. Её лицо было красивым, но уставшим. Под глазами — тени. В уголках губ — горькие складки.

— Подойди, — сказала Айбиге. Голос у неё был низкий, грудной, с повелительными нотками. — Посмотри на меня.

Айше подошла и посмотрела. Она не опустила глаза, как, видимо, требовал этикет. Она смотрела прямо — в карие, почти чёрные глаза госпожи.

— Ты не боишься меня, — констатировала Айбиге. — Это хорошо. Или плохо. Пока не пойму.

— Я боюсь многого, госпожа, — ответила Айше. — Но боюсь я не вас. Я боюсь не понять правил.

Айбиге чуть приподняла бровь.

— Умная? — спросила она у Неджлы.

— Не знаю, госпожа. Но красивая. Очень.

— Красота проходит. Ум остаётся. — Айбиге встала. Она была на полголовы выше Айше. — Слушай меня внимательно. Я возьму тебя в услужение, потому что у меня не осталось верных девушек — их переманили другие госпожи или они умерли от лихорадки. Ты будешь делать, что я скажу. Ты будешь ходить, куда я пошлю. Ты будешь молчать, когда я велю молчать. И если ты предашь меня — я лично прослежу, чтобы ты сгнила в подземельях. Ясно?

— Ясно, госпожа, — сказала Айше.

В этот момент дверь открылась, и вошёл евнух. Высокий, чернокожий, с лицом, изрезанным оспой. Он что-то шепнул Айбиге на ухо. Та вздрогнула, и в её глазах на секунду мелькнул страх. Но она быстро взяла себя в руки.

— Султан требует цветы для вечернего омовения. И не простые цветы. Белые лилии. Из дворцового сада. — Она посмотрела на Айше. — Ты пойдёшь. Сад охраняют, но тебя пропустят. Возьми корзину и иди. Не разговаривай ни с кем. Особенно с мужчинами. Ты меня поняла?

— Да, госпожа, — ответила Айше. Но в груди у неё ёкнуло. Потому что в этот момент в её сознании вспыхнуло воспоминание — не её, не из старой жизни, а откуда-то из глубин этого нового тела.

Дворцовый сад.

Именно там должна была произойти встреча, о которой она ещё не знала. Встреча, которая изменит всё.

Она взяла плетёную корзину из пальмовых листьев, перекинула её через локоть и вышла в коридор.

Неджла пошла следом, показывать дорогу.

— Ты знаешь, как выглядят белые лилии? — спросила Неджла, когда они спускались по широкой каменной лестнице во двор.

— Да, — ответила Айше. И улыбнулась про себя. В прошлой жизни она была дизайнером. Она рисовала цветы сотни раз. Лилии, розы, тюльпаны, гиацинты. Она знала их форму, их запах, их расположение лепестков.

Но в этом саду всё было по-другому.

Они вышли во двор. И воздух изменился. Тяжёлый, пряный воздух гарема сменился свежим ветром с Босфора. Небо было безоблачным, бирюзовым, как мозаика в мечетях. Вдали виднелись купола и минареты — город расползался по холмам, как муравейник.

Сад был огромным. Ровные ряды кипарисов, как чёрные свечи, уходящие в небо. Фонтаны с мраморными чашами, где плавали лепестки роз. Беседки, увитые плющом. Дорожки, посыпанные белым песком, который хрустел под ногами.

— Иди вон туда, — указала Неджла на дальнюю часть сада, где виднелась оранжерея из зелёного стекла. — Белые лилии растут за оранжереей. И помни: ни с кем не разговаривай.

Неджла осталась у входа в сад, скрестив руки на груди.

Айше пошла одна.

Она шла медленно, впитывая каждую деталь: капли воды на лепестках роз, шмеля, жужжащего над кустом жасмина, далёкий смех женщин из открытого окна гарема.

Она почти дошла до оранжереи, когда услышала голоса.

Мужские голоса.

Один — резкий, надменный:

— Ты ничтожество. Отец никогда не сделает тебя наследником. Ты слаб, как девчонка.

И другой — спокойный, низкий, с лёгкой хрипотцой:

— Возможно. Но слабость — понятие относительное, Мустафа. Даже самый сильный может упасть, споткнувшись о собственный язык.

Айше замерла за кустом сирени. Её сердце колотилось так сильно, что, казалось, его слышно на весь сад.

Она не должна была здесь находиться. Госпожа Айбиге ясно сказала: ни с кем не разговаривать. Особенно с мужчинами. А эти двое были явно из династии — по их одежде, по их манере держаться, по тому, как стража стояла в отдалении, не смея приблизиться.

Она хотела уйти. Развернуться и побежать назад к Неджле.

Но что-то — неведомая сила, чья-то воля — удержало её на месте.

Она выглянула из-за куста.

Первый мужчина — тот, что говорил резко — был высоким, коренастым, с тяжёлой челюстью и маленькими колючими глазами. На нём был расшитый золотом кафтан и тюрбан с пером цапли. Он походил на быка в дорогих одеждах.

А второй...

Айше забыла, как дышать.

Второй мужчина стоял к ней вполоборота. Он был выше первого, но стройнее. Его одежда была простой — тёмно-синий кафтан без вышивки, белая рубаха, кожаный пояс. Никаких украшений, кроме серебряного перстня на мизинце левой руки.

Но его лицо...

Айше видела это лицо. Не в этой жизни. В прошлой. В каком-то сне? Нет. В каком-то забытом воспоминании, которое всплыло из глубин, куда не доходит свет.

Он повернулся.

И Айше увидела его глаза — цвета тёмного янтаря, с длинными ресницами, которые отбрасывали тень на высокие скулы. Тёмные, густые брови. Чёткая линия подбородка. Лёгкая небритость, которая не портила его, а делала... живым. Настоящим.

Это был он.

Тот, кого она должна была встретить.

Тот, чьё имя — Надежда.

Он заметил её. Сначала мельком, как замечают тень за кустом. А потом — пристально. Его взгляд скользнул по её зелёному платью, по корзине в её руке, по её лицу — бледному от страха и изумления.

И он улыбнулся. Едва заметно. Только уголками губ.

— Уходи, Умут, — буркнул его брат Мустафа, не заметив Айше. — У тебя здесь нет дел.

— Как скажешь, брат, — ответил Умут, не отрывая взгляда от Айше.

Он развернулся и пошёл в другую сторону. Проходя мимо куста сирени, он замедлил шаг и сказал тихо, так, чтобы только она могла услышать:

— Белые лилии растут у беседки, а не у оранжереи. Госпожа Айбиге ошиблась. Или хотела проверить тебя.

И ушёл.

Айше стояла, не в силах пошевелиться. В ушах шумела кровь. В руках дрожала корзина.

Она слышала это имя. Умут. Надежда.

И она знала — всей душой, всем своим существом, всем своим истерзанным сердцем, которое помнило боль от пощёчины отца и холод операционной, — что её жизнь только началась. А всё, что было раньше, было лишь предисловием.

Она нашла белые лилии у беседки. Сорвала три самых красивых, положила в корзину и пошла обратно.

Неджла ждала у входа.

— Ты долго, — сказала она. — С тобой всё в порядке? Ты бледная.

— Всё хорошо, — ответила Айше. — Всё хорошо, Неджла-ханым.

Но внутри неё бушевал ураган.

Она вернулась к Айбиге, отдала лилии. Госпожа посмотрела на цветы, одобрительно кивнула.

— Хорошо. Ты справилась. Завтра будет новое поручение. А сейчас — иди отдыхать.

Айше поклонилась и вышла.

В коридоре она прислонилась спиной к прохладной каменной стене, закрыла глаза и прошептала:

— Умут. Ты существуешь. Ты реален.

Она не знала, услышит ли её кто-то. Бог ли из прошлой жизни, Аллах ли из новой, сама ли судьба.

Но впервые после аварии, после всего этого кошмара с гаремом и продажей, она почувствовала не страх.

А надежду.

Глава 3. Уроки выживания

Айше проснулась задолго до рассвета.

В гареме ещё царила тишина — та особая, тяжёлая тишина, которая бывает только в местах, где спят много женщин. Где-то в соседней комнате всхлипнула во сне одна из наложниц. Кто-то бормотал молитву, не открывая глаз. Пахло остывшим пеплом из медных жаровен и сушёными травами, которые развешивали под потолком от моровой чумы.

Айше лежала на жёстком тюфяке, укрытая тонким шерстяным одеялом, и смотрела в потолок. Каменные своды терялись в темноте. Где-то там, наверху, были звёзды. Где-то там, за стенами, был Босфор — тот самый, вдоль которого она ехала в такси в своей прошлой жизни, перед тем как фары чёрного внедорожника ослепили её навсегда.

Она не спала. Она думала.

Вчерашний день перевернул всё. Белые лилии. Голоса в саду. И он — Умут. Его глаза цвета тёмного янтаря, которые смотрели на неё так, будто видели насквозь. Его голос — низкий, с лёгкой хрипотцой, когда он сказал: *«Белые лилии растут у беседки, а не у оранжереи»*.

Он знал, что Айбиге ошиблась. Или нарочно послала её не туда. Или хотела проверить.

— Думаешь, если будешь лежать с открытыми глазами, день наступит быстрее? — раздался шёпот справа.

Айше повернула голову. Элиф — девушка, которая была с ней, когда она очнулась после горячки, — сидела на своей постели, поджав ноги по-турецки, и смотрела на неё с любопытством.

Элиф было лет шестнадцать — или семнадцать, сложно было определить. У неё были круглые щёки, веснушки на переносице и каштановые волосы, заплетённые в тугую косу. Она не была красавицей — по крайней мере, не той ослепительной красотой, которая привлекала внимание султана. Но в ней была живость. Искра. Та самая, которую не могли убить ни каменные стены, ни евнухи с кинжалами.

— Не могу уснуть, — призналась Айше.

— Это пройдёт, — Элиф зевнула, прикрыв рот ладонью. — Первые недели все спят плохо. Я, когда меня привезли, три ночи подряд плакала. Думала, что умру от тоски.

— А сейчас?

— Сейчас я думаю, что умру от скуки, — усмехнулась Элиф. — Госпожа Айбиге добрая, но требовательная. Она заставляет нас учить сотни правил. Как входить. Как выходить. Как подавать кофе. Как опускать глаза. Как поднимать глаза. Как молчать. Как говорить. — Она вздохнула. — Иногда мне кажется, что проще выучить Коран наизусть, чем все эти обычаи.

Айше села, подтянув колени к груди.

— А как ты попала сюда?

Вопрос вырвался сам собой. В прошлой жизни она никогда не была бестактной, но здесь... Здесь ей нужно было знать. Понимать правила игры. А для этого — узнавать других игроков.

Элиф помолчала. Её лицо омрачилось.

— Мой отец был торговцем коврами в Бурсе. Хороший человек. Но он задолжал янычарам. Они пришли ночью, забрали всё — ковры, дом, меня. Сказали, что долг выплачен, если я пойду в гарем. Мать плакала. Отец ударил себя по лицу — и не остановил их. — Она говорила сухо, без слёз. — Так я здесь. Три года. Никто за мной не пришёл.

— Мне жаль, — тихо сказала Айше.

— Не жалею. Здесь жалость — как нож. Её можно повернуть и против тебя. — Элиф посмотрела на неё внимательно. — А ты? Говорят, тебя прислал крымский хан. Что ты дочь бея.

Айше кивнула. Она не знала, правда это или нет. Неджла сказала — значит, так и было. В этом мире её прошлое принадлежало не ей.

— Да, — сказала она. — Мой отец разорился. Продал меня, чтобы заплатить долги.

— Значит, мы с тобой почти сёстры, — усмехнулась Элиф. — Только тебя продал отец, а моего продали янычары. Разница небольшая.

Они помолчали. Где-то далеко, в коридорах гарема, слышались шаги — мягкие, почти неслышные. Евнухи начинали свой обход.

— Завтра у тебя первый полный день у Айбиге, — сказала Элиф. — Будь осторожна. Айбиге не злая, но она проверяет. Всех проверяет. Если ты покажешь слабость, она использует это. Если покажешь силу — тоже использует. Главное — не показывай, что думаешь.

— А что мне показывать?

— Пустоту. — Элиф легла на бок, свернулась калачиком. — Сделай лицо как у куклы. И никогда, слышишь, никогда не смотри в глаза госпоже дольше, чем она смотрит в твои.

Айше запомнила.

За окном (маленькое зарешеченное окно под самым потолком) небо начало светлеть — из чёрного превратилось в тёмно-синее, потом в серое, потом в нежно-розовое. Первые лучи солнца коснулись купола мечети Айи-Софии, и муэдзин начал свой призыв — долгий, тягучий, пронзительный.

«Аллаху Акбар...»

Айше закрыла глаза и прошептала молитву — не мусульманскую, не христианскую, а свою собственную: «Пусть я проснусь в своей постели. Пусть это будет сон». Но когда она открыла глаза, каменные стелы были на месте.

Это не было сном.

Комната госпожи Айбиге встречала Айше запахами — сложными, многослойными. Розовая вода из медного распылителя. Ладан из жаровни, в которой тлели кусочки смолы. Свежие фрукты — гранат, разрезанный пополам, с рассыпающимися рубиновыми зёрнами. Тёплый хлеб, только что испечённый где-то в кухнях гарема.

Айбиге сидела на диване, поджав под себя ноги, и пила кофе из маленькой фарфоровой чашки — такой тонкой, что сквозь стенки просвечивала темная жидкость. На ней было утреннее платье цвета лаванды, свободное, без пояса, с длинными рукавами. Волосы были распущены — медная волна спадала на плечи, и Айше впервые заметила, какая у госпожи красивая шея: длинная, белая, с маленькой родинкой за ухом.

— Ты вовремя, — сказала Айбиге, не глядя на Айше. — Садись.

Айше опустилась на низкий табурет — не на пол, не на подушку рядом с госпожой, а именно на табурет, который стоял в трёх шагах от дивана. Элиф учила её ночью: *«Ты не наложница, ты служанка. У тебя есть своё место. Не занимай чужое»*.

Айбиге отпила кофе и поставила чашку на медный поднос.

— Сегодня я научу тебя готовить маску для лица. Этому меня учила моя наставница, а её — её наставница, ещё во времена Сулеймана Великолепного. В гареме женщины живут красотой. Если ты красива — тебя замечают. Если замечают — ты можешь получить власть. Если у тебя нет красоты — у тебя ничего нет.

— Я поняла, госпожа, — сказала Айше.

— Я не закончила. — Айбиге подняла палец. — Красота — это не только лицо. Красота — это запах. Твоя кожа должна пахнуть так, чтобы мужчина, учуяв твой аромат в толпе, обернулся. Красота — это голос. Ты должна говорить так, чтобы тебя хотели слушать даже тогда, когда ты говоришь о погоде. Красота — это походка. Ты должна входить в комнату так, будто ты делаешь одолжение всем, кто там находится.

Айше молчала. В прошлой жизни она была дизайнером — она знала, что такое эстетика. Но здесь эстетика была не искусством, а оружием.

Айбиге хлопнула в ладоши. Из-за двери тут же появилась Неджла — бесшумная, как тень, с подносом, на котором стояли маленькие глиняные горшочки, ступка и пестик.

— Сегодня мы будем делать маску из розовой воды, шафрана и толчёного миндаля, — сказала Айбиге. — Розовая вода смягчает кожу. Шафран придаёт сияние. Миндаль отшелушивает мёртвые клетки. Запомни пропорции.

Она взяла горшочек с розовой водой, отмерила три пальца (не ложкой, не мерным стаканом — именно пальцами, опустив их в жидкость до второй фаланги) и вылила в ступку.

— Теперь шафран. — Она достала щепотку оранжево-красных нитей из другого горшочка. — Шафран дороже золота. Его привозят из далёких земель, за горами и морями. Поэтому используй его экономно. Но не слишком экономно — если ты пожалеешь шафрана, маска не будет работать.

Айше смотрела на эти движения — точные, выверенные, почти хирургические — и понимала, что это не косметика. Это ритуал. Женщины здесь превращали уход за собой в священнодействие, потому что больше у них ничего не было. Ни свободы, ни выбора, ни будущего — только кожа, волосы, запахи.

— Теперь ты, — Айбиге протянула ей пестик. — Сделай так же.

Айше взяла ступку. Она чувствовала прохладную глину в руках, запах шафрана — терпкий, чуть горьковатый, похожий на запах осенних листьев. Она отмерила три пальца розовой воды. Добавила щепотку шафрана. Потом горсть толчёного миндаля.

— Медленно, — сказала Айбиге. — Не торопись. И думай о том, что ты делаешь. Каждое движение должно быть осознанным. Если ты будешь делать маску с мыслями о прошлом или о будущем — она не принесёт пользы. Только здесь. Только сейчас.

Айше закрыла глаза и начала растирать ингредиенты. Круг за кругом. Пестик скользил по глине, превращая крупички в пасту. Запахи смешивались — сладкий, кисловатый, терпкий, пряный. В этом запахе не было ни прошлой жизни, ни будущей. Только сейчас.

— Хорошо, — сказала Айбиге после долгой тишины. — У тебя лёгкая рука. Это хорошо. Некоторые девушки растирают так сильно, что маска становится горькой. Твоя — нежная.

Она взяла щепотку готовой пасты, понюхала, одобрительно кивнула.

— Теперь нанеси на моё лицо.

Айше подошла ближе. Айбиге запрокинула голову и закрыла глаза. Её лицо — красивое, но уставшее — выглядело сейчас беззащитным. Морщинки у глаз. Чуть обвисшие щёки. Тёмные круги под глазами, которые не скрывала даже сурьма.

Айше осторожно взяла немного маски кончиками пальцев и начала наносить — нежными, круговыми движениями, как когда-то в прошлой жизни наносила крем перед сном, глядя в зеркало ванной в своей стамбульской квартире.

Лоб. Скулы. Нос. Подбородок.

— Ты делаешь это не как новичок, — заметила Айбиге, не открывая глаз.

— У меня была... мать, которая учила меня ухаживать за кожей, — солгала Айше. На самом деле её мать, Лейла, никогда не учила её ничему, кроме молчания и терпения. Но навыки из прошлой жизни — те, что она приобрела сама, читая блоги и смотря видео — остались с ней. И теперь они спасали её.

— Хорошая мать, — сказала Айбиге. — Моя умерла, когда мне было десять. Её убили разбойники на дороге в Эдирне. Отец привёз меня в гарем через месяц. Сказал: «Живи как можешь». Я живу.

Айше не знала, что ответить. В прошлой жизни она бы сказала что-то утешительное — «мне жаль», «это ужасно», «как вы справились?». Но Элиф учила её: «Не показывай, что думаешь». И Айше промолчала.

Через десять минут Айбиге велела смыть маску. Неджла принесла тёплую воду в медном тазу и мягкое полотенце из египетского хлопка. Айше осторожно смыла пасту, обнажая посвежевшую, чуть порозовевшую кожу госпожи.

Айбиге посмотрела на себя в маленькое ручное зеркальце.

— Неплохо. На сегодня урок окончен. Теперь — кофе.

Следующие три часа Айше училась варить кофе по-османски.

Это было не просто приготовление напитка. Это была церемония. Медная джезва с длинной ручкой. Тонко молотые зёрна — в пыль, почти в муку. Холодная вода. Сахар — три степени сладости: «простой», «средний», «сладкий» (никто не говорил «без сахара» — это считалось дурным тоном).

— Сначала нагреваешь джезvu, — объясняла Неджла, стоя над плечом Айше. — Но не слишком сильно. Если джезва будет горячей — кофе сгорит. Если холодной — не заварится.

Айше держала джезvu над маленькой жаровней с углями. Жар обжигал пальцы, но она терпела.

— Теперь добавляешь воду. Две трети джезвы. Не больше.

Вода зашипела.

— Ложка кофе. Одна. Ровная. Без горки.

Айше насыпала.

— Сахар. Если для госпожи — две ложки. Она любит сладкий.

Айше насыпала сахар.

— Теперь мешай. Медленно. Деревянной ложкой. Железная испортит вкус.

Айше мешала. Кофе начинал закипать — появлялась пенка, нежная, золотистая.

— Сними с огня. Не дай закипеть — если закипит, пенка уйдёт, и кофе будет горьким.

Айше сняла джезvu. Пенка поднялась шапкой.

— Снова на огонь. Теперь быстрее.

Она повторила три раза — кофеварение здесь было искусством трёх подходов. На третьем разе в комнату вошла Айбиге, переодетая в дневное платье цвета индиго, с волосами, уложенными в сложную причёску, увенчанную маленькой серебряной диадемой.

— Пахнет хорошо, — сказала она, садясь на диван. — Наливай.

Айше разлила кофе в маленькие фарфоровые чашки — пенку в одну, кофе в другую (так требовал этикет: пенка подавалась отдельно, как деликатес). Она подала чашку госпоже на медном подносе, опустив глаза.

Айбиге сделала глоток. Молчание длилось вечность.

— Приемлемо, — сказала она наконец. — Но завтра сделаешь лучше.

Айше выдохнула.

После полудня у Айбиге начался «тихий час» — время, когда госпожа отдыхала, и служанкам разрешалось заниматься своими делами. Айше пошла в общую комнату, где наложницы обедали, стирали одежду, чинили платья и тихо сплетничали.

Едва она переступила порог, как разговоры стихли.

На неё смотрели. Пятнадцать пар глаз — любопытных, враждебных, равнодушных, оценивающих. Девушки сидели на низких скамьях вокруг длинного деревянного стола. На столе — глиняные миски с чечевичным супом, лепёшки, маслины, брынза.

— Это новая служанка Айбиге-ханым? — спросила одна из девушек — высокая брюнетка с тонкими, как нити, бровями. В её голосе слышалась насмешка.

— Да, — ответила Айше, стараясь говорить нейтрально.

— Красивая, — сказала другая, помладше, с круглым лицом и детским ртом. — Очень красивая.

— Слишком красивая, — заметила брюнетка. — Такие долго не живут.

В комнате повисла тишина.

Айше медленно подошла к столу, взяла пустую миску и положила себе супу. Села на свободную скамью — не рядом с брюнеткой, но и не в углу.

— Как тебя зовут? — спросила она у брюнетки.

— Зейнеп, — ответила та с вызовом.

— Приятно познакомиться, Зейнеп. Я Айше. — Она посмотрела на девушку в упор. — Ты права. Красивые девушки долго не живут, если у них нет ума. Но у меня есть ум.

Зейнеп прищурилась.

— Посмотрим.

— Посмотрим, — согласилась Айше.

Она начала есть суп. Он был пресным — ни соли, ни перца, только варёная чечевица и вода. В прошлой жизни она бы поморщилась. Сейчас она ела с жадностью, потому что не знала, будет ли ужин.

Рядом с ней кто-то сел. Элиф.

— Ты смелая, — шепнула Элиф. — Или глупая. Зейнеп — подруга Ясемин. Она передаст каждое твоё слово.

— Пусть передаёт, — так же тихо ответила Айше. — У меня нет врагов, потому что я никому ничего не должна.

— Теперь есть, — сказала Элиф. — Поздравляю. Ты только что приобрела себе первого врага в гареме.

Айше посмотрела в сторону Зейнеп, которая уже что-то нащёптывала на ухо другой девушке, косясь в её сторону.

В прошлой жизни она боялась Мехмета Демирчи. Здесь она не боялась даже султана. Что ей какая-то Зейнеп?

— Пусть будет враг, — сказала Айше. — Я не из тех, кого можно запугать чечевичным супом.

Элиф фыркнула, подавив смех.

Вечером Айше вернулась в покои Айбиге. Госпожа готовилась ко сну — сидела перед медным зеркалом, а Неджла расчёсывала её длинные медные волосы щёткой из кабаньей щетины.

— Садись, — сказала Айбиге, увидев Айше. — Рассказывай. Что ты делала сегодня в общей комнате?

Айше рассказала. Без утайки. О Зейнеп. О супе. О том, что она сказала: «У меня есть ум».

Айбиге слушала молча. Потом повернулась к ней.

— Ты поступила правильно. Но не потому, что ты умная. А потому, что ты показала зубы. Здесь, в гареме, женщины как волчицы. Если ты покажешь слабость — тебя разорвут. Если покажешь силу — тоже могут разорвать, но сначала подумают. — Она взяла Айше за подбородок, поворачивая её лицо к свету. — У тебя есть ещё одно качество, которое может спасти тебя или погубить.

— Какое, госпожа?

— Ты не боишься. — Айбиге отпустила её. — Я видела многих девушек. Те, кто не боялись, либо становились госпожами, либо умирали молодыми. Третьего не дано.

— Я не боюсь, потому что мне нечего терять, — сказала Айше.

Это была правда. Она уже потеряла всё — свою старую жизнь, свою семью, своё тело, своё будущее. То, что осталось, было просто существованием. И в этом существовании она могла рисковать.

— Ложь, — сказала Айбиге. — Ты потеряла своё прошлое, но нашла будущее. Ты не знаешь этого, но я вижу. Ты смотришь на сад каждое утро, как будто ждёшь кого-то. Или что-то.

Айше вздрогнула.

— Не бойся, — усмехнулась Айбиге. — Я не буду пытаться тебя. У меня нет причин. Но запомни: если ты влюбишься в того, кто не сможет тебя защитить, ты умрёшь. Гарем не прощает любви. Гарем прощает только власть.

Айше опустила глаза.

— Иди спать, — сказала Айбиге. — Завтра у тебя будет новое поручение. Более опасное.

— Какое, госпожа?

— Ты узнаешь завтра. — Айбиге отвернулась к зеркалу. — А теперь уходи. Я хочу отдохнуть.

Айше поклонилась и вышла.

Коридоры гарема ночью были почти пустыми. Только иногда из-за угла выныривал евнух, проверяющий, все ли девушки в своих комнатах. Свечи в медных подсвечниках мерцали, отбрасывая пляшущие тени на стены.

Айше шла медленно, обдумывая слова Айбиге.

«Ты смотришь на сад каждое утро, как будто ждёшь кого-то».

Она действительно смотрела. Каждое утро, когда выходила во внутренний двор по делам, её взгляд невольно скользил в ту сторону — туда, где была беседка, увитая плющом. Туда, где она видела Умута.

Умут.

Она произнесла его имя про себя, и сердце забилось быстрее.

Это было глупо. Опасно. Безумно.

Она — наложница, служанка опальной госпожи. Он — шехзаде, сын султана, один из семи наследников престола. Между ними — пропасть. Не только статуса, но и судьбы.

Но когда она закрывала глаза, она видела не каменные стены гарема, не строгие лица евнухов, не кислый суп из чечевицы. Она видела его глаза. И слышала его голос: *«Белые лилии растут у беседки».*

Она свернула в свою комнату. Девушки уже спали, свернувшись калачиком на тюфяках. Элиф оставила ей кусочек лепёшки, завернутый в чистую тряпицу — на случай, если она проголодается ночью.

Айше легла, укрылась тонким одеялом и уставилась в потолок.

«Гарем не прощает любви», — сказала Айбиге.

Но что, если любовь — это единственное, что может спасти её?

Она закрыла глаза.

И во сне она снова была в саду. Белые лилии. Беседка, увитая плющом. И он — Умут — протягивает ей руку.

Она берёт его руку.

И просыпается от крика петуха.

Наступает новый день.

Глава 4. Зелёное платье

Прошла неделя с тех пор, как Айше впервые увидела Умута в саду.

Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Каждый из них она проживала с таким напряжением, будто шла по лезвию кинжала. Утром — кофе для Айбиге. Днём — маски, притирания, ароматические масла. Вечером — прислуживание за ужином, когда госпожа принимала других женщин гарема, и Айше училась различать оттенки их голосов: вкрадчивый шёпот, холодный смех, тихие оскорбления, завернутые в шёлк вежливости.

Она ни разу не видела Умута.

Ни разу.

Каждое утро, выходя во внутренний двор с корзиной для трав или с подносом для фруктов, она бросала взгляд в сторону сада — туда, где стояла беседка, увитая плющом. Но беседка была пуста. Только ветер шевелил листья, да иногда пробежал евнух по своим делам.

«Он забыл меня», — думала Айше по ночам, глядя в тёмный потолок. «Он был вежлив, не более. Для него я — всего одна из сотен. Служанка. Тень».

Но где-то глубоко, в том месте, которое не подчинялось логике, она знала, что это неправда. Взгляд, которым он одарил её в саду, не был взглядом равнодушного принца. В нём было что-то ещё — любопытство. Интерес. Признание.

«Ты смотришь на сад каждое утро, как будто ждёшь кого-то», — сказала тогда Айбиге.

Да. Она ждала.

Утро восьмого дня началось необычно.

Айше проснулась оттого, что кто-то тряс её за плечо. Грубо. Настойчиво. Она открыла глаза и увидела Неджлу — старшую служанку Айбиге — склонившуюся над ней с выражением, которое Айше ещё не видела на её лице.

Оно было... взволнованным?

— Вставай, — сказала Неджла тихо, но с металлом в голосе. — Госпожа требует тебя немедленно.

— Что случилось? — Айше села, протирая глаза. За маленьким зарешеченным окном ещё было темно. Небо только начинало сереть.

— Не задавай вопросов. Одевайся и иди.

Неджла вышла так же бесшумно, как вошла.

Айше натянула своё повседневное платье — скромное, цвета сухой глины, из грубой шерсти. Волосы затянула в тугой узел на затылке, закрепив деревянными шпильками. Умылась холодной водой из медного таза, стоявшего в углу. Девушки вокруг ещё спали — даже Элиф, которая обычно просыпалась раньше всех, сейчас лежала с открытым ртом и посапывала.

Айше вышла в коридор.

Свечи ещё горели в медных подсвечниках, отбрасывая жёлтые пятна света на каменные стены. Где-то далеко плакал ребёнок — одна из наложниц, родившая дочь, которую султан даже не пришёл смотреть. Плач был тоскливым, бесконечным, как ветер над пустыней.

Покои Айбиге находились в конце коридора, за тяжёлой дверью из чёрного дерева. Айше постучала три раза — как учила Неджла: один короткий, два длинных.

— Войди, — раздался голос госпожи.

Айше вошла.

Айбиге стояла посреди комнаты. На ней было утреннее платье из тонкого шёлка цвета топлёного молока, распущенные медные волосы падали на плечи. Она выглядела уставшей — под глазами залегли тени, губы были сжаты в тонкую линию. Но в её взгляде горел странный огонь.

— Ты помнишь, что я сказала тебе вчера? — спросила Айбиге без приветствия.

— Вы сказали, что у меня будет новое поручение, госпожа, — ответила Айше, опустив глаза.

— Да. Сегодня это поручение. — Айбиге подошла к сундуку, стоявшему в углу — массивному, окованному медью, с резными узорами на крышке. — У меня есть для тебя подарок.

Она открыла сундук.

Внутри, на ворохе сухих лепестков роз, лежало платье.

Айше замерла.

Оно было нежно-зелёным — цвета молодой листвы, цвета изумруда, цвета её глаз. Шёлк переливался в свете свечей, отливая золотом и серебром. Лиф был расшит тончайшей вышивкой — маленькие серебряные цветы, бутоны, виноградные лозы. Рукава — длинные, сужающиеся к запястью, с разрезами, из которых виднелась белоснежная нижняя рубаша. Подол — широкий, струящийся, как водопад.

Айше не могла отвести взгляд.

В прошлой жизни она создавала такие платья. Она знала, сколько времени уходит на вышивку, сколько терпения требуется, чтобы каждая серебряная нить легла ровно. Она знала цену этому шёлку, этим цветам, этому совершенству.

— Это платье, — сказала Айбиге, — сшила для меня моя мать, когда меня только привезли в гарем. Я надевала его один раз — в день, когда султан впервые заметил меня. После этого я спрятала его в сундук. Думала, что сохраню для дочери. Но дочери у меня нет, а ты... ты напоминаешь мне себя в молодости.

— Госпожа, я не могу принять такой подарок, — выдохнула Айше. — Это слишком...

— Ценно? — перебила Айбиге. — Да, ценно. Но не золотом. Памятью. — Она достала платье из сундука и встряхнула его. Шёлк зашелестел, как крылья бабочки. — Сегодня вечером в саду будет приём. Султан принимает посла персидского шаха. Все наложницы высшего ранга будут там. Я тоже приглашена. Но ты пойдёшь со мной не как служанка.

Айше подняла глаза.

— Как кто же, госпожа?

— Как моя тень, — сказала Айбиге. — Ты будешь стоять позади меня и держать веер. Но платье должно быть достойным такого места. Служанки в грязных лохмотьях на приёме не нужны.

Она протянула платье Айше. Та взяла его дрожащими руками. Шёлк был прохладным и гладким, как вода.

— Примерь, — приказала Айбиге.

Айше сняла своё грубое шерстяное платье, оставшись в тонкой нижней рубаше, и надела зелёный шёлк. Платье село идеально — будто было сшито по её меркам. Оно облегал талию, но не сковывало движений. Рукава падали мягкими складками. Шлейф (да, у платья был небольшой шлейф) струился по каменному полу, как река.

Айше посмотрела на себя в медное зеркало, висевшее на стене. Отражение было мутным, нечётким, но даже в нём она видела — это была не она. Не Айше-служанка. Кто-то другой. Кто-то прекрасный и опасный.

— Красавица, — тихо сказала Айбиге. — Я знала, что зелёный — твой цвет. — Она подошла ближе и поправила вырез на груди, сделав его чуть глубже. — Сегодня на приёме будут все сыновья султана. Все семеро. Включая шехзаде Умута.

Сердце Айше пропустило удар.

— Я не собираюсь тебя проверять, если ты об этом думаешь, — продолжала Айбиге. — Я знаю, что ты встречалась с ним в саду. Я знаю, что он сказал тебе про лилии. Я знаю даже то, что ты не знаешь — что он спрашивал обо мне у евнухов.

— Спрашивал? — Айше обернулась.

— Он спросил: «Кто эта девушка в зелёном? Которая собирала цветы для госпожи Айбиге?» — Айбиге усмехнулась. — Евнух сказал ему твоё имя. И что ты — моя служанка.

Айше почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Не красней, — сказала Айбиге. — Краска стыда — это краска слабости. Здесь не стыдятся любви. Здесь стыдятся только проигрыша. — Она взяла Айше за подбородок. — Если ты хочешь его — борись. Но помни: у него есть братья. У него есть отец. И у него есть наложницы, которые будут точить на тебя зубы. Ты готова к этому?

Айше смотрела в глаза госпоже. В них не было жестокости. Не было насмешки. Был холодный, трезвый расчёт.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Но я попробую.

Айбиге кивнула, отпустила её подбородок.

— Тогда готовься. Приём через четыре часа.

Остаток дня Айше провела в лихорадочной подготовке.

Неджла вымыла её волосы в медном чане с розовой водой — тёплой, пахучей, скользкой от мыльного корня. Она массировала кожу головы так сильно, что у Айше щипало глаза, но когда волосы высохли, они стали мягче шёлка и тяжелее воды.

— Ты сядешь вон там, — сказала Неджла, указывая на скамью у окна. — Я заплету тебе косы.

Айше села. Неджла начала плести — умело, быстро, без единого колебания. Она заплела не одну, не две, а восемь тонких кос, которые потом соединила в сложную причёску, увенчанную маленькими жемчужинами — подарком Айбиге.

— Ты похожа на пери, — сказала Неджла, когда закончила. — На райскую деву.

— Я чувствую себя самозванкой, — призналась Айше.

— Это пройдёт. Самозванство — лучшая маскировка. Если ты делаешь вид, что знаешь правила, рано или поздно ты действительно их узнаешь.

Затем Айбиге сама нанесла на лицо Айше макияж — тонкую линию сурьмы вдоль ресниц, румяна из толчёного сандала на скулы, каплю масла амбер на запястья.

— Нюхай, — сказала она, поднося к носу Айше маленький флакон.

Айше вдохнула. Запах был тёплым, пряным, чуть сладковатым — амбер с примесью мускуса и розы.

— Это мой личный аромат, — сказала Айбиге. — Я дарю его тебе. Сегодня ты будешь пахнуть мной. А завтра — найдёшь свой.

К закату Айше была готова.

Она стояла перед мутным зеркалом и не узнавала себя. Нежно-зелёное платье, жемчуг в волосах, глаза, подведённые сурьмой, губы, чуть тронутые гранатовым соком. Она была красива. Не той суетной, современной красотой, которую можно купить в салоне за деньги, а древней — опасной — той, о которой слагали легенды и из-за которой начинали войны.

«Мама, — подумала она вдруг, — если бы ты видела меня сейчас. Ты, которая всегда прятала лицо под чёрным платком. Я стала твоим кошмаром и твоей мечтой одновременно».

— Выходим, — сказала Айбиге.

Сад вечером был неузнаваем.

Тысячи свечей горели в стеклянных фонарях, подвешенных к ветвям деревьев. Между кипарисами натянули шёлковые ткани — золотые, пурпурные, бирюзовые — создавая шатёр, под которым могли разместиться сотни гостей. Фонтаны били розовой водой (настоящая роскошь — пахло так, будто сам рай пролился на землю). В центре сада стоял длинный низкий стол, уставленный серебряными блюдами с фруктами, сладостями, бараниной, запечённой с инжиром.

Гости уже собирались.

Айше видела их из-за плеча Айбиге — процессию наложниц в шёлках и парче, евнухов в тёмных кафтанах, визирей в огромных тюрбанах. Все они говорили тихо, почти шёпотом, но гул голосов был похож на жужжание огромного улья.

— Смотри в пол, — шепнула Айбиге, когда они вошли в сад. — Не поднимай глаз, пока я не разрешу.

Айше опустила взгляд. Она видела только каменные плиты дорожки, посыпанные лепестками роз, и подол зелёного платья, струящийся по ним. Шаг за шагом. Дышать ровно.

Они дошли до своего места — в третьем ряду от султанского трона. Достаточно близко, чтобы быть замеченными, достаточно далеко, чтобы не привлекать внимания.

— Теперь сядь на колени, — сказала Айбиге.

Айше опустилась на мягкую подушку, подложенную слугой. Айбиге села рядом — грациозно, как кошка. Айше протянули веер — большой, из страусиных перьев, с рукоятью из слоновой кости.

— Веер, — коротко сказала Айбиге.

Айше начала обмахивать госпожу. Движения — плавные, ритмичные. Туда-обратно. Как учила Неджа: *«Не слишком быстро — у госпожи закружится голова. Не слишком медленно — она вспотеет»*.

Гости всё прибывали.

Айше украдкой подняла глаза. В первом ряду, справа от трона, сидели сыновья султана. Шестеро. Она насчитала шестерых — разные возрасты, разная внешность, но все в дорогих кафтанах, с кинжалами на поясах, с надменными лицами.

Шестого она узнала сразу.

Мустафа.

Тот самый — старший брат Умута, который в саду назвал его слабым. Он сидел, широко расставив ноги, и громко смеялся над чем-то, что сказал сосед. Его лицо — тяжёлое, с крупными чертами — было похоже на лицо Мехмета Демирчи из прошлой жизни. То же выражение жестокости в глазах. Та же манера сжимать кулаки.

Айше почувствовала, как её желудок сжался от страха.

«Он не Мехмет, — сказала она себе. — Он другой. Он здесь, в этом времени. И он не знает меня».

Но страх не уходил.

Где же седьмой?

Айше перевела взгляд вправо. И увидела его.

Умут сидел в конце ряда, на самом краю. На нём был простой тёмно-синий кафтан без вышивки — в отличие от братьев, которые щеголяли в золоте и серебре. Никакого кинжала. Никакого тюрбана — только маленькая шапочка, обтянутая бархатом.

Он смотрел прямо на неё.

Не на Айбиге. Не на танцовщиц, которые начали представление в центре сада. Не на султана, который только что появился из дворцовых ворот в сопровождении телохранителей.

На неё.

Айше замерла. Веер застыл в воздухе.

— Продолжай обмахивать, — прошептала Айбиге, не поворачивая головы. — Ты привлекаешь внимание.

Айше заставила себя двигаться. Туда-обратно. Туда-обратно. Но взгляд Умута жёг её кожу, как огонь.

Он не улыбался. Не кивал. Просто смотрел — пристально, изучающе, с каким-то странным выражением, которое она не могла прочесть. Надежда? Страх? Любопытство? Желание?

Она не знала.

Султан занял своё место на троне — массивном золотом кресле с подушками из красного бархата. Он был стар, но ещё крепок — широкие плечи, густая борода с проседью, тяжёлый взгляд из-под насупленных бровей. На нём был кафтан из пурпурного шёлка, расшитый жемчугом, и тюрбан с тремя страусиными перьями.

— Добро пожаловать, — сказал султан голосом, который гремел, как камень, брошенный в пустой колодец. — Сегодня мы принимаем посла великого шаха Аббаса. Пусть он знает, что османский двор не уступает персидскому ни в роскоши, ни в мудрости.

Посол — тощий человек с острой бородкой и в чалме, украшенной изумрудом — поклонился и произнёс длинную речь на фарси. Айше не понимала ни слова, но суть была ясна: мир, торговля, границы.

Она не слушала. Она смотрела на Умута.

Он больше не смотрел на неё.

Он смотрел на отца — и взгляд его был ледяным. В нём не было любви. Не было уважения. Была только тьма.

Айше вдруг поняла то, что Айбиге не говорила ей вслух. Умут не просто принц. Умут — заговорщик. И этот приём, эта роскошь, эти речи о мире — всё это было декорацией, за которой скрывалась настоящая война.

Война между отцом и сыном.

Война, в которой она теперь участвовала, даже не подписав договора.

Представление закончилось через два часа.

Танцовщицы упорхнули, как бабочки. Музыканты спрятали свои сазы и нэи. Гости начали расходиться — сначала визири, потом наложницы, потом евнухи. Султан удалился первым, не прощаясь, в сопровождении охранников.

— Вставай, — сказала Айбиге. — Мы уходим.

Айше поднялась на затекших ногах. Колени болели от долгого сидения на коленях. Рука, державшая веер, онемела.

Они пошли обратно — мимо фонтанов, мимо кипарисов, мимо шёлковых шатров, которые уже начинали снимать слуги.

— Айше.

Голос раздался сбоку. Тихий. Хрипловатый.

Она узнала его сразу.

Она обернулась.

Умут стоял в трёх шагах от неё, прислонившись плечом к стволу кипариса. В темноте его лицо казалось вырезанным из слоновой кости — бледное, острое, с глазами, которые горели, как угли.

Айбиге тоже остановилась. Она посмотрела на Умута, потом на Айше.

— Я подожду тебя у входа, — сказала она и ушла, не оборачиваясь.

Айше осталась одна.

— Шехзаде, — сказала она, опуская глаза. — Я не должна разговаривать с вами без разрешения госпожи...

— Забудь про этикет, — перебил он. — Я не шехзаде для тебя. Я Умут. Тот, кто подсказал тебе про лилии. Помнишь?

— Помню, — прошептала она.

— Ты сегодня прекрасна, — сказал он. — Я смотрел на тебя весь вечер.

Айше подняла глаза. В их янтарной глубине она увидела что-то, что заставило её сердце биться быстрее. Не страсть. Не желание. Что-то более редкое в этом месте, где ложь была дыханием, а правда — смертью.

Искренность.

— Зачем вы смотрели на меня? — спросила она. — Я всего лишь служанка.

— Ты не служанка, — сказал Умут. — Ты... другое. Я не знаю, что это. Но я хочу узнать. Он сделал шаг вперёд. Теперь они стояли так близко, что Айше чувствовала запах его одежды — кожа, сандал, табак.

— Приходи завтра в беседку, — сказал он. — На закате. Я буду ждать.

— Если меня увидят...

— Никто не увидит. Беседка скрыта от глаз. Только я, ты и плющ на стенах.

Он улыбнулся — едва заметно, только уголками губ. И эта улыбка была прекраснее всех сокровищ султанской казны.

— Придёшь? — спросил он.

Айше смотрела в его глаза. В прошлой жизни она боялась сказать «нет» отцу. В этой жизни она боялась сказать «да» своей судьбе.

Но страх прошёл. Ушёл, как дым.

— Приду, — сказала она.

Умут кивнул и исчез в темноте, как тень.

Айше стояла, сжимая в руке страусиное перо веера. В груди её цвела весна — невозможная, запретная, опасная.

Она пошла к выходу, где ждала Айбиге.

— Ну что? — спросила госпожа, когда Айше поравнялась с ней.

— Завтра я иду в сад, — сказала Айше. — На закате.

Айбиге посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула.

— Тогда надейся, что никто не увидит, — сказала она. — И помни: если тебя поймают — я не смогу тебя защитить.

— Я знаю, — ответила Айше.

Она знала. И всё равно шла.

Глава 5. Клятва в беседке

Айше не спала всю ночь.

Она лежала на жёстком тюфяке, притворяясь спящей, пока остальные девушки в комнате дышали ровно и глубоко. Элиф посапывала рядом, иногда всхлипывала во сне — ей снилось что-то тревожное, возможно, дом, которого больше не существовало в её жизни. Где-то за стеной скреблась мышь. Свечи догорели ещё в полночь, и только лунный свет пробивался сквозь решётку окна, рисуя на каменном полу полосы, похожие на тюремную решётку.

Айше смотрела на эти полосы и думала.

«Приходи завтра в беседку. На закате. Я буду ждать».

Его голос звучал в её голове снова и снова — низкий, с лёгкой хрипотцой, который она уже выучила наизусть. Она помнила каждое слово, каждую интонацию, каждый вздох между фразами. Помнила, как пахло от него — кожа, сандал, табак. Помнила, как его тень упала на её зелёное платье, когда он сделал тот шаг вперёд.

«Ты не служанка. Ты... другое. Я не знаю, что это. Но я хочу узнать».

Она закрыла глаза и прижала ладонь к груди. Сердце колотилось так сильно, что, казалось, рёбра не выдерживали.

В прошлой жизни у неё были мужчины. Не много — два или три коротких романа, которые не оставили шрамов на душе. Она целовалась в машинах на парковке торговых центров, ходила в кино, держалась за руки на набережной Босфора. Всё это было правильно, современно, удобно. Никаких безумств, никаких тайн, никаких клятв, которым суждено было сгореть в огне времени.

Но Умут был другим.

Он не был мужчиной из её прошлой жизни. Он был... судьбой. Тем самым словом, которое она ненавидела, когда слышала его в романтических сериалах. Судьба. Предназначение. Любовь с первого взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.